

Л. А. Дашкевич, М. Ю. Нечаева
**«ДЕЛО ОБ ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНОСТИ
 В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ» 1902 г.: ОПЫТ УЧЕТА
 И ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ**

doi: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-71-79

УДК 94(470.5)“1902”

ББК 63.3(28-8Пер)531

Статья посвящена анализу составленных в 1902 г. в строительном отделении Пермского губернского комитета сведений о «всех существующих в Пермской губернии древних зданиях и памятниках старины, а равно о памятниках новейшего времени, воздвигнутых в честь Высочайших и других особ или в память разных событий». Охарактеризована предыстория составления этого списка в контексте разработки закона об охране памятников и общественного обсуждения критериев выделения объектов, подлежащих охране. Описаны впервые включенные в спектр объектов охраны имевшиеся в губернии памятники, связанные с Романовыми (в значительной степени утраченные в последующее время). Проведено сопоставление указанных в данном источнике сведений о культовых объектах региона с имевшимся к 1902 г. в Екатеринбургской епархии описанием приходских церквей. На основе проведенного анализа выявлены информационные пределы губернского списка 1902 г., обусловленные способом получения информации для него: опорой на документы, сохранившиеся в канцелярии губернского правления, отсутствием сотрудничества с епархиальными структурами при подготовке списка, субъективностью оценок культурной ценности объектов и недостаточным уровнем изучения памятников старины в краеведческой литературе того времени. Вместе с тем подчеркнута значимость этого события как первой в регионе попытки систематизации информации об объектах, подлежащих охране в качестве памятников истории и культуры. Составление описи охраняемых памятников было для власти определенным шагом в политике памяти, так как значительная часть указанного в списке наследия была связана с идеей монархии, а Урал презентовался как освоенная русским народом часть православной империи.

Ключевые слова: *Урал, Пермская губерния, памятники старины, охрана памятников истории и культуры, коммеморация, культурное наследие, культурный ландшафт*

К проблемам охраны культурного наследия в России и различным аспектам ее истории обращались многие исследователи.¹ В наступивший период глобализации, ориентированной на нивелирование культурных различий, эта тема приобрела особую актуальность и важную смысловую нагрузку. Многие страницы истории учета и охраны памятников, однако, изучены пока недостаточно, особенно на региональном уровне. Предметом нашего интереса

стало «Дело об охране памятников древности в Пермской губернии»,² созданное в 1901–1902 гг. в ходе подготовки закона об охране памятников в России. Историю подготовки этого закона исследователи относят к началу правления императора Николая I. Политика этого монарха, выраженная знаменитой триадой С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность», идеологически поддержала интерес значительной части русского образованного общества XIX в. к изучению и охране отечественных древностей. 31 декабря 1826 г. было обнародовано высочайшее повеление Николая I, предписывавшее немедленно собрать сведения по всем губерниям о том, в каких городах имеются остатки древних крепостей и замков «или других зданий древности» и в каком положении они находятся. Выявленные в ходе учета исторические здания в России строгойше запрещалось разрушать «с ответственностью в сем начальников городов и местных полиций».³ Позднее это положение было

¹ См.: Разгон А. И. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // История музейного дела в СССР. М., 1957. Вып. 1 (Гр. НИИ музееведения). С. 73–128; Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990; Работкевич А. В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII — начале XX века: дис. ... канд. культурологии. М., 1999; Галкова О. В. Российские традиции охраны отечественного культурного наследия. Волгоград, 2011.

Дашкевич Людмила Александровна — д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: ldash54@mail.ru

Нечаева Марина Юрьевна — к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: atlasch@narod.ru

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 358. Л. 1–35об.

³ Материалы к вопросу об установлении законодательным порядком охраны древних памятников в России. М., 1911. С. 5, 6.

закреплено в законодательстве. Одна из статей Строительного устава гласила: «Строжайше запрещается разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности под ответственностию за нарушение сего губернаторов и местной полиции».⁴

Основным критерием отнесения объектов к охраняемому наследию объявлялась их «древность», хотя само это понятие в законодательных актах конкретизировано не было. В 1851 г. Императорское Русское археологическое общество предложило назначить крайним пределом для исследования русских древностей 1700 г., на основании чего попросило «описывать русские памятники с одиннадцатого столетия до 1700 года».⁵ Этот подход к идентификации «древностей» утвердился в общественном мнении, хотя нормативно закреплен не был, что приводило к утрате внимания к охране многих памятников, особенно в восточных регионах. В 1869 г., например, Министерство внутренних дел разослало в губернии циркуляр о доставке в техническо-строительный комитет подробного описания «памятников, крепостей и других зданий древности, находящихся в городах и селениях». Комплекс этих описаний, однако, оказался далеко не полным. Многие губернаторы, в том числе и пермский, опираясь на сложившуюся традицию описания культурного наследия, ответили, что на их территории памятников древности нет.⁶

Осознанная постановка вопроса об учете памятников требовала четкого и законодательно определенного представления о тех объектах, которым была необходима государственная охрана. Появление первого законопроекта об охране памятников в стране связано с активной деятельностью Московского археологического общества (МАО), по инициативе которого были организованы Всероссийские археологические съезды. Основы закона были разработаны уже на I съезде, который состоялся в 1869 г. Его участники предложили внести в список охраняемых объектов памятники архитектуры, письменности, живописи и вааяния. Законопроект неоднократно дорабатывался в различных комиссиях при Министерстве народного просвещения (1877), Министерстве внутренних дел (1905, 1909, 1916), в Государст-

венной думе (1911, 1913), однако так и не был принят. Тем не менее само обсуждение проекта вызвало большой резонанс в обществе. По мнению О. В. Галковой, именно в этот период произошел перелом «в общественном сознании относительно ценности памятников Отечества, рост интереса к ним, создание научно обоснованных подходов к изучению и сохранению наследия, формирование общественной системы охраны».⁷

6 сентября 1901 г. Министерство внутренних дел разослало в губернии очередной циркуляр, который включил в число охраняемых объектов новую группу — «памятники новейшего времени, воздвигнутые или воздвигаемые в честь высочайших и других особ или в память разных событий». Губернаторам было предписано доставить в столицу точный список «таковых памятников, с приложением подробных описаний и указаний о том, когда и кем памятники сооружены, на чей счет, в чьем ведении находятся, на какие средства поддерживаются, отпускаются ли на содержание их в исправности средства из казны и в каком размере, находятся ли они в надлежащем виде и, если нет, то, приблизительно, какая сумма требуется на их исправление, и с приложением по мере возможности рисунков, планов или фотографических снимков с сих памятников».⁸ Исследователь истории государственной политики в области охраны памятников А. В. Работкевич отмечает масштабность работы, проведенной в связи с этим циркуляром. Впервые в министерстве были собраны сведения о большом комплексе памятников: их прислали из 89 губерний и областей, 9 городов и даже с острова Сахалин, то есть почти из всех регионов страны. Всего было выявлено и зарегистрировано 4 108 памятников, из них 2 456 памятников архитектуры.⁹

В Пермской губернии составление списка «памятников древности» было поручено строительному отделению губернского правления, которым руководил губернский инженер Емельян Иванович Артемов. Одной из функций этого отделения был контроль за соблюдением норм Строительного устава. Е. И. Артемов был достаточно опытным архитектором, создавшим проекты Крестовоздвиженского собора Белогорского монастыря и Вознесенского

⁴ Устав строительный, измененный и дополненный узаконениями, обнародованными по 1 августа 1910 года. СПб., 1911. С. 56.

⁵ Работкевич А. В. Указ. соч. С. 38.

⁶ См.: Там же. С. 136.

⁷ Галкова О. В. Указ. соч. С. 169.

⁸ Устав строительный, измененный и дополненный узаконениями... С. 56.

⁹ См.: Работкевич А. В. Указ. соч. С. 163.

храма Скорбященского монастыря в Нижнем Тагиле, а также здания гостиницы «Королевские номера» в Перми. «Дело об охране памятников древности в Пермской губернии», отправленное в Министерство внутренних дел 30 сентября 1902 г., то есть приблизительно через год после издания циркуляра, было подписано им. Вероятно, он и являлся основным составителем документа. Часть сведений об исторических памятниках в Пермской губернии в распоряжении Е. И. Артемова, несомненно, была, для сбора дополнительной информации он мог обратиться к своим сотрудникам по отделению, местной полиции, а также привлечь опубликованные материалы. В списке было учтено 134 исторических объекта. Среди них были как традиционные для России здания культовой архитектуры (89 наименований — 66,4%), так и мемориальные памятники (39 наименований — 29,1%) и даже учреждения, открытые в честь исторических лиц и событий (6 наименований — 4,5%).

Наиболее обширной в губернском списке 1902 г. оказалась информация о памятниках, которые возводились в честь членов дома Романовых. Ее анализ позволяет сделать вывод о том, что самой популярной исторической фигурой в Пермской губернии был Александр II. В списке учтено 50 посвященных ему памятников мест, включая 25 монументальных памятников, 24 объекта культовой архитектуры и одно общественное здание.

В списке указывается, что наиболее ранний из таких монументов был установлен в 1862 г. в с. Кургановском Екатеринбургского уезда. На средства крестьянина Иакова Девятова здесь был построен мраморный обелиск в виде пирамиды на кубическом основании высотой в 2,5 аршина. Подобные памятники имелись также в с. Острожском (1882) Оханского уезда и с. Култаево (1890) Пермского уезда. В начале 1880-х гг. «в память Императора Александра II в Бозе почившего 1 марта 1881 года» в с. Грязновском Камышловского уезда был возведен мраморный памятник в виде колонны, на вершине которой находился ангел с крестом. Памятник был построен и поддерживался в исправном состоянии иждивением Грязновского волостного общества. Местные волостные правления поддерживали также каменный памятник Александру II в с. Судинском Осинского уезда, построенный на средства крестьян в 1883 г., и мраморный памятник императору в с. Рябки Осинского уезда, возве-

денный в 1891 г. В 1895 г. появились памятники Александру II в Нижнетагильском заводе Демидовых и Верхнетурином казенном заводе. Судя по списку 1902 г., верхнетуриномский памятник был открыт 14 августа 1895 г. министром земледелия и государственных имуществ А. С. Ермоловым. Среди частных заводских поселков с установленными памятниками Александру II в описи упомянуты Очерский (1863), Билимбаевский (1881) и Павловский (1887) заводы Строгановых, Верхнеуфалейский (1863), Нижнесергинский (1863), Верхнесергинский (1866), Михайловский (1866), Нижнеуфалейский (1870) заводы Товарищества Сергинско-Уфалейских заводов, Каслинский (1869), Кыштымский (1886) и Нязепетровский (1888) заводы акционерного общества Кыштымских заводов, Сысертский (1870) завод наследников А. Ф. Турчанинова, Шайтанский (1878) завод П. В. Берга. Мраморные памятники, посвященные Александру II, были также возведены в Каменском (1868), Нижнеисетском (1884), Баранчинском (1884) и Мотовилихинском (время создания неизвестно) заводах, принадлежавших казне.

Памяти освобождения крестьян от крепостной зависимости посвящались и культовые сооружения: Воскресенская церковь в Перми (1863), Александро-Невская церковь в Нижнетагильском заводе (1877), каменные часовни в Юго-Кнауфском заводе (1883) и в Турьинских рудниках (1884), в поселке Горнощитского прииска (1887), в с. Муллинском и Ильинском (1891); «часовня-крестик» в Юговском заводе (была поставлена примерно в 1880 г.). В Турьинских рудниках этому историческому событию посвящалось Флоровское народное училище, построенное в 1888 г. на средства местного общества.

Возведение многих православных культовых зданий было вызвано трагическими событиями в жизни Александра II. Вскоре после первого покушения на жизнь императора, совершенного Дмитрием Каракозовым 4 апреля 1866 г., в центре г. Красноуфимска, «на камешке», жители возвели на собственные средства каменную часовню. «Избавлению» императора от опасности этого покушения прихожане также посвятили каменную часовню во имя Александра Невского в г. Камышлове и каменную часовню в честь Покрова Божией Матери в г. Чердыни. «Чудесное спасение императора» во время второго покушения, случившегося 25 мая 1867 г. во Франции, было ознаменовано

постройкой деревянного храма в с. Лобаново Пермского уезда и каменной часовни в д. Заиренская Слобода Кунгурского уезда.

Память о мученической смерти Александра II хранили каменные часовни в г. Оханске (1883), в с. Больше-Сосновском Оханского уезда (1883), в Невьянском заводе (1884) и в г. Осе (1890). По этому же трагичному поводу в 1882 г. на средства купцов-лесопромышленников Николая Симоновича Нестерова, Василия Федоровича Суетина, Михаила Савельевича Елкина и Василия Ивановича Кутузова была построена каменная часовня в с. Елове Осинского уезда.

Различные формы коммеморации были нацелены на сохранение памяти об Александре III. В честь его коронавания были построены каменные часовни в поселке Курашимского завода (1883), на горе Городище Ключевского прихода Красноуфимского уезда (1888), в с. Катайском Камышловского уезда. 25-летию «счастливого бракосочетания» Александра III и императрицы Марии Федоровны посвящалась деревянная церковь в с. Тулпан Чердынского уезда (1896). Большое сочувствие у православного населения вызвало спасение императора и его семьи в железнодорожной катастрофе, произошедшей 17 октября 1888 г. у станции Борки. В списке 1902 г. учтено 16 культовых зданий, посвященных этому «чуду спасения». Храмы и памятники отразили кончину Александра III (в с. Топорищевском Шадринского уезда, Бобровском Ирбитского уезда, Колчеданском Камышловского уезда, в д. Боровой Шадринского уезда, Верхнетурунском казенном заводе).

Достаточно большое количество исторических объектов было посвящено правившему императору Николаю II. Коммеморация памятных дат, связанных с его жизнью, началась еще до его воцарения. «Чудо спасения» будущего императора во время покушения на него в японском городе Оцу 29 апреля 1891 г. было ознаменовано установкой креста на вершине горы Белой, где позднее был учрежден Белогорский мужской монастырь. Помимо этого, в списке 1902 г. указано еще пять культовых построек, посвященных трагическим событиям в Японии: каменная церковь в Ирбитском тюремном замке, деревянная церковь в д. Фроловой Пермского уезда (1901), деревянные часовни в с. Каргапольском Шадринского уезда (1897) и в д. Лобановой Чердынского уезда (1896), каменная часовня «древнерус-

ской архитектуры» в поселке Бикбардинского винокуренного завода Осинского уезда (1895), построенная и содержавшаяся на средства владельца завода И. А. Поклевского-Козелл.

Строительством православных сооружений на Урале отмечались события личной жизни монарха. В 1895 г., например, в ознаменование дня помолвки цесаревича и принцессы Алисы Гессенской прихожане с. Юмского Чердынского уезда возвели деревянную часовню. Их бракосочетание отметили постройкой церкви в д. Большой Южаковой Верхотурского уезда (1897) и каменной часовни в с. Верх-Муллинском Пермского уезда (1895). В честь коронавания Николая II было возведено 12 христианских построек: церковь при Мариинской женской гимназии в Перми (1898), каменные часовни в поселках Ашاپского завода Осинского уезда (1898) и Баранчинского завода Верхотурского уезда (1899), деревянные часовни в с. Ильинском Пермского уезда (1898), в с. Крестовском Шадринского уезда (1899), в с. Юрле (1897) и в д. Булдыревой (1896) Чердынского уезда, в д. Белоусовой Екатеринбургского уезда (1896), в с. Никольском (1896), с. Горбуновском (1897) и в д. Тумановой (1899) Камышловского уезда, в д. Паниной Соликамского уезда (1896). Построенный в Белогорском мужском монастыре Иверский храм (1896–1897) посвящался памяти о помолвке, бракосочетании, восшествии на престол и священном коронавании императорской семьи. Благотворительные пожертвования на это строительство привлекли основатель обители Стефан Александрович Луканин и настоятель монастыря иеромонах Варлаам. В 1898 г. в память коронавания Николая Александровича и Александры Федоровны на средства крестьян и Екатеринбургского уездного земства было построено каменное здание народной школы в с. Маминском.

Несмотря на обширность списка культовых объектов, связанных с коммеморацией различных событий в жизни членов дома Романовых, заметно, что хронологическая глубина сведений о них не уходит далее царствования Александра II и времени создания при губернских правлениях строительных отделений. Сведения о памятниках, связанных с историей императорской семьи XVIII — начала XIX в., в списке 1902 г. встречаются редко. Единственным памятным местом, посвященным Екатерине II, судя по списку 1902 г., был памятник императрице, возведенный в Ирбите в 1883 г.

в ознаменование 100-летия со дня основания города. В Екатеринбурге в районе городского пруда были установлены чугунные бюсты Петру I и Екатерине I. На лицевой стороне этих памятников имелись надписи «Императору Петру I. Основателю горнозаводского дела на Урале» и «Императрице Екатерине I. Основательнице города Екатеринбурга». Монументы были сооружены в 1886 г. екатеринбургскими мастерскими Пермь-Тюменской железной дороги и поддерживались в порядке на средства Управления Пермской железной дороги.

В память посещения Урала Александром I в губернском г. Перми в 1828 г. за счет средств города была сооружена историческая ротонда. Летний открытый павильон располагался в саду Пермского общественного собрания. Екатеринбургское земство в 1877 г. возвело мраморный памятник на Московском тракте около д. Талицы Шайтанской волости, посвященный посещению Урала несколькими высочайшими особами: наследником престола цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г., герцогом Максимилианом Лейхтенбергским в 1845 г. и герцогом Николаем Максимилиановичем Лейхтенбергским в 1866 г. В Верхотурском уезде на средства частных золотопромышленников был возведен чугунный памятник рядом с Кунгурской дорогой в 20 верстах от Кушвы «в память проезда Их Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича в 1861 году». Памятник этот, очевидно, во время составления списка 1902 г. уже находился в плохом состоянии, в документе указано, что он «в настоящее время никем не окартауливается».

В числе монументов, воздвигнутых «в память разных событий» в Пермской губернии, можно выделить памятник вогулу Степану Чумпину, открывшему, согласно легенде, богатейшее Гороблагодатское железорудное месторождение. Памятник был возведен в 1826 г. на казенные средства на вершине горы Благодать, находящейся вблизи Кушвинского завода.

Важное место в исторической памяти уральцев занимало восстание под руководством Е. И. Пугачева. В списке 1902 г. указаны четыре памятника, посвященных этому историческому событию. В частности, в честь избавления Кунгура «от нашествия Пугачевских шаек» в городе был поставлен мраморный монумент на Соборной площади. Согласно данным списка, памятник возвели в 1893 г. на частные средства, собранные по подписке, а поддер-

живался он на средства городского бюджета.¹⁰ В городе находилось еще одно историческое место, которое составители списка связывали с пугачевским восстанием, — «деревянная башня, оставшаяся от времен Пугачева». По изложенному в списке преданию, «в обе стороны от этой башни шел земляной вал до реки Сылвы, которая в то время текла вблизи этой башни. Земляным валом был окружен весь Кунгур, остатки вала имеются на некоторых усадебных участках; по-видимому, башня эта служила как бы крепостными воротами или бойницей. Внутри башни на двух боковых сторонах имеются балконы вроде хор. В настоящее время земляного вала уже не существует, но башня поддерживается Городским Управлением в исправности как памятник старины».¹¹ «В память избавления от нашествия буйных шаек Пугачева» была возведена каменная Ильинская часовня у г. Красноуфимска. Время основания этой часовни составителям списка было неизвестно, сообщалось лишь, что она была перестроена в 1885 г. «на средства города Красноуфимска» и «поддерживалась в исправном состоянии на средства местной городской управы». Этому же историческому событию была посвящена Никольская каменная часовня на Безсоновой горе у Сысертского завода, возведенная в 1786 г.

Если привлечь другие источники, можно заметить, что в губернском списке 1902 г. были отражены не все памятники. Наиболее информативным является справочник «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии». Инициатором его составления был епископ Екатеринбургский и Ирбитский Ириней, а сама книга, как указывалось в предисловии, представляла собой «коллективный, в некотором смысле, труд всего епархиального духовенства», поскольку в ее основу были положены извлечения из церковных летописей, составленные приходскими священниками по указанию архиерея, обработанные, дополненные печатными материалами и отредактированные «некоторыми лицами» из числа екатеринбургского духовенства и преподавателями епархиальных женского и мужского духовных училищ. Особо отмечалась роль в подготовке этого издания

¹⁰ В. Весновский приводит в своем путеводителе несколько иные сведения. Согласно данным путеводителя, кунгурский памятник сооружен в 1876 г. на средства, пожертвованные купцом Я. А. Колпаковым и частично собранные по подписке (Весновский В. Исторические памятники в Пермской губернии. Пермь, 1915. С. 15).

¹¹ Вероятно, речь идет о Преображенской башне (см. подробнее: Чагин Г. Н., Шиллов А. В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007. С. 16–22).

краеведа Н. С. Смородинцева и смотрителя духовного училища священника Г. А. Усольтцева.¹² По храмам Пермской епархии, охватывающей остальные уезды губернии, такого обобщающего труда составлено не было, хотя в епархиальной прессе публиковались выдержки из церковных летописей.

Структура летописей, которые требовалось вести во всех приходах, включала сведения обо всех церквях и престолах, часовнях, наиболее ценных иконах и ризничных предметах за весь период существования прихода. Составлялись такие летописи прежде всего по документам, хранившимся в церквях. Анализ сопоставимых материалов из списка, составленного в Пермском губернском правлении, и из «Приходов и церквей Екатеринбургской епархии» показывает значительные упущения в губернском списке. Так, в нем не указаны пять церквей, в которых память о членах дома Романовых была выражена в освящении приделов.¹³

Отсутствовали в губернском списке 1902 г. также некоторые часовни на территории Екатеринбургской епархии, связанные с событиями из истории дома Романовых. Издание «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии» позволяет добавить к перечисленным в списке еще 19 таких объектов. Формой культовой коммеморации событий, связанных с царствующей династией, были также иконы и различные ризничные предметы, имевшиеся в 13 храмах Екатеринбургской епархии,¹⁴ но эта форма в губернском списке 1902 г. не отразилась.

Весьма неполным в списке 1902 г. оказался перечень «древних зданий и памятников старины». Он включил только 19 объектов на территории Пермской губернии, которые были локализованы неравномерно: 10 из них находились в Соликамске, три — в Верхотурье, по два — в Перми и Чердыни, по одному — в Сысертском заводе и в с. Ныроб. Сам этот перечень уже свидетельствует о том, что в поле зрения сотрудников губернского строительного отделения в основном оказались достопримечательности, расположенные в городах, видимо, лучше им известные.

Самым древним памятником была названа каменная часовня, находившаяся в 30 саженях от Успенской церкви г. Чердыни, которая, по

преданию, была построена во второй половине XVI в. В списке указано, что никаких документов в чердынских архивах об этой часовне нет. Часовня была посвящена памяти 85 чердынцев, павших при защите города от нашествия ногайских татар 6 января 1547 г. По преданию, «убиенные воины сражались с означенными врагами в Кондратьевой слободе, в 50 верстах от города, при впадении р. Вишеры в р. Каму, откуда тела их чрез полгода или чрез год после помянутого события перевезены в город Чердынь каким-то чердынским купцом и здесь погребены в общей могиле. По всей вероятности, тогда же была на могиле их построена и часовня благочестивыми жителями города Чердыни, в память своих защитников».¹⁵ В документе утверждалось, что часовня за все время своего существования ни разу не ремонтировалась, только несколько раз перекрашивалась и поддерживается в исправном состоянии прихожанами Успенской церкви. По сведениям Г. Н. Чагина, сохранившаяся к началу XX в., но ныне утраченная часовня была возведена только в 1793 г.¹⁶

Из древних чердынских храмов в списке 1902 г. была указана еще каменная двухэтажная церковь во имя Св. Иоанна Богослова, сооруженная в 1718 г., «по преданию, пленными шведами, оставшимися в России после Полтавской победы, на средства Тобольского генерал-губернатора Князя Гагарина» (см. цв. вклейку, рис. 1). Описание ее в источнике весьма скудно. В частности, там не упомянута основная художественная ценность культового сооружения (сохранившаяся донныне) — пятиярусный резной иконостас с 68 иконами.

В списке 1902 г. описана еще одна достопримечательность Прикамья, ныне не сохранившаяся, — находившаяся вблизи г. Соликамска часовня, построенная около Пермского тракта, по преданию, в 1581 г. на могиле воинов, убитых при защите города от набега пельымского хана Кихека. В документе отмечено, что часовня «пришла в крайнюю ветхость и лет 8 тому назад ремонтирована на средства нижних чинов местной команды, бывшим воинским начальником г. Венцловавичем» и находится в ведении городской управы. Возможно, как и в случае с чердынской часовней, датировка в списке 1902 г. соликамской достопримечательности неточна и сохранившаяся

¹² См.: Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 1.

¹³ См.: Там же. С. 63, 64, 75–81, 315–319, 357, 358.

¹⁴ См.: Там же. С. 53–56, 100–103, 143–148, 185, 186, 189–191, 195–198, 208, 209, 274–276, 290–292, 506–508, 514–518, 524–527, 558.

¹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188 (1902 год). Д. 358. Л. 210б.

¹⁶ См.: Чагин Г. Н. Города Перми Великой Чердынь и Соликамск. Пермь, 2003. С. 68.

к началу XX в. часовня уже не являлась первоначальной постройкой 1581 г.

Наиболее подробно представлен в губернском списке 1902 г. каменный храмовый комплекс г. Соликамска. К древним зданиям составители отнесли шесть церквей, основанных в XVII в., и три, построенных в XVIII в.: Свято-Троицкий собор (1684), Преображенскую (1684) и Введенскую (1684–1710) церкви упраздненного в XVIII в. женского монастыря, Богоявленскую (1687), Спасскую (1689), Крестовоздвиженскую (1698), Архангельскую (основана после 1712 г., освящена 17 октября 1725 г.), Воскресенскую (1714), кладбищенскую церковь во имя Жен Мироносиц (1776). В списке приведены описания этих строений, указаны, при наличии сведений, данные о том, на чьи средства они возведены, а также о времени и характере более поздних перестроек.

Три древние постройки, указанные в списке, находились в Верхотурье. Деревянная Одигитриевская церковь с отдельно стоящей колокольней в заречной части города датирована в губернском списке 1640–1645 гг., хотя в историко-статистических описаниях Верхотурья, изданных в 1854 и 1899 гг., указывалось, что сохранившийся храм — уже второй на этом месте, построенный в 1702–1706 гг. на месте прежнего, вероятно, сгоревшего и действительно существовавшего в середине XVII в.¹⁷ Этой же версии придерживались составители «Приходов и церквей Екатеринбургской епархии», а также современные историки уральской архитектуры,¹⁸ причем во всех источниках, кроме губернского списка, указывалось, что церковь подвергалась и более поздним перестройкам. Также к памятникам древности в губернском списке 1902 г. были отнесены каменные Троицкий собор в Верхотурье и прилегающий к нему фрагмент крепостной стены «с зубцами и двумя воротами», заложенные в 1703 г. Верхотурские достопримечательности были описаны без каких-либо архитектурных деталей, весьма кратко, что

¹⁷ См.: Макарий, игум. Описание города Верхотурья // Вестн. Импер. Рус. Геогр. Об-ва. 1854. Кн. 1, ч. 10. II. Исследования и материалы. С. 22; Токмаков И. Историко-статистическое и археологическое описание города Верхотурья с уездом (Пермской губернии), в связи с историческим сказанием о житии св. праведного Симеона Верхотурского чудотворца, с приложением свидетельств о благодатных знамениях, явленных им страждущему человечеству и краткой истории Верхотурского Николаевского монастыря. М., 1899. С. 70, 71.

¹⁸ См.: Приходы и церкви... С. 183; Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края / Байдин В. И. [и др.]. Екатеринбург, 1998. С. 188; Манькова И. Л. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII веке. Екатеринбург, 2020. С. 284–286.

резко контрастирует с подробными описаниями соликамских и чердынских древностей.

Поскольку хронологические рамки «древних строений» законодательно определены не были, пермское строительное отделение сочло возможным расширить их вплоть до конца XVIII в. Вероятно, это было продиктовано желанием представить больше «древностей» на территории губернии, которая осваивалась русским населением значительно позже регионов Центральной России. Это позволило более полно показать в списке ансамбль соликамских храмов, а также включить в него некоторые строения в губернском центре — г. Перми, который вел свою историю только с 1723 г. В списке указаны два пермских объекта — Петропавловский собор (1757) и Рождество-Богородицкая церковь (1788), тоже описанные без художественной детализации.

Другой храм конца XVIII в., представленный в губернском списке, был описан достаточно подробно: трехпрестольный каменный храм в Сысертском заводе в честь Св. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, который был «заложен в 1773 году, а окончен постройкой в 1879 году,¹⁹ выстроен на средства первого владельца Сысертских заводов Алексея Феодоровича Турчанинова». Составители указали, что этот храм был «замечателен тем, что в нем не заметно для глаза никаких связей обычных арок и столбов, на которые естественно падает центр тяжести, капитальных построек совсем нет. Искусной рукой опытного архитектора устроено так, что храм при своей колоссальности держится связями, скрытыми внутри боковых стен. К особенностям храма относится также и то, что на куполе храма вместо главы находится царская корона; это объясняется тем, что Сысертский завод, возникший в 1732 г., сначала принадлежал казне и назывался заводом Императрицы Анны и только по передаче в частные руки получил теперешнее наименование... Внутри храма находится замечательная икона Богоматери с предстоящими ей великомученицами Екатериной и Варварой; написана эта икона в 1516 г. учеником Рафаэля Бенедикто Гарафолло».²⁰ К описанию прилагались пять фотографий, хотя остальные достопримечательности списка были не всегда представлены даже одним изображением.

Из культовых построек XVIII в., указанных в губернском списке, самая поздняя находилась

¹⁹ Явная описка в источнике: церковь была освящена в 1789 г.
²⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188 (1902 год). Д. 358. Л. 270б.–280б.

в с. Ныробе Чердынского уезда — это каменная часовня, построенная в 1793 г. «жителями села Ныроба с помощью местного крестьянина Михаила Данилова Пономарева в память умершего на месте ее сооружения боярина Михаила Никитина Романова, сосланного в заточение в с. Ныроб Царем Борисом»²¹ (см. цв. вклейку, рис. 2).

Анализ губернского списка 1902 г. позволяет предположить, что подход составителей к включению «древних» строений в число памятников, требующих охраны, был весьма избирательным. Так, из сохранившихся к 1902 г. 64 храмов XVIII в., находившихся в пяти уездах Екатеринбургской епархии, в списке указаны лишь три. Не все постройки XVIII в. были указаны даже в тех населенных пунктах, о древних достопримечательностях которых сообщалось в списке.²²

Чем же руководствовались составители губернского списка в своем выборе? Вероятно, в городах Пермской губернии и в Сысертском заводе они бывали лично по долгу службы и могли составить собственное мнение о художественных достоинствах сохранившихся там построек XVII–XVIII вв. Источником сведений о некоторых местных достопримечательностях могли стать уже появившиеся тогда научные труды. В частности, наиболее полно в списке 1902 г. оказались представлены древности Соликамска, все они были описаны в 1882 г. священником А. М. Луканиным.²³ Уже была издана статья известного краеведа А. А. Дмитриева, в которой, кстати, из всех чердынских храмов достойным внимания исследователей назван только Богословский, а также приведено описание часовни в честь 85 воинов.²⁴ Сотрудники отделения могли даже лично обратиться к историку за дополнительными материалами (А. А. Дмитриев скончался 14 июня 1902 г. в Перми). Из этой же статьи, а также из статьи И. Попова, изданной в 1897 г.,²⁵ они могли почерпнуть информацию обо всех достопримечательностях Ныроба, хотя в список была включена только

одна из них. Сведения обо всех храмах Верхотурья имелись в описаниях города, изданных в 1854 и в 1899 гг.²⁶ Сысертский храм был описан в статье, опубликованной в 1893 г. в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях».²⁷

Подводя итоги, можно заметить, что составленный в 1902 г. в строительном отделении Пермского губернского комитета список оказался далеко не полным и не всегда соответствовавшим требованиям циркуляра Министерства внутренних дел, что было следствием недостаточно основательной работы по его составлению. Отделение не сочло нужным обратиться за информацией к епархиальным властям в Екатеринбурге и Перми, располагавшим достаточно подробной информацией из церковно-приходских летописей. Список 1902 г. содержит существенные лакуны в сведениях о достопримечательностях, связанных с историей дома Романовых (особенно расположенных в сельской местности и отдаленных заводах), перечень же «древних зданий», включенных в список, носит довольно субъективный характер, поскольку выбор составителей был ограничен лишь семью населенными пунктами. Можно предположить, что информация о «древних зданиях» Пермской губернии, попавших в список 1902 г., отражала уровень изучения и описания их в краеведческой литературе того времени, поскольку дополнительных исследований строительное отделение не проводило.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть значение этого документа. Для власти он был не только первой попыткой систематизации информации о памятниках истории и культуры в регионе, но и определенным шагом в формировании политики памяти, так как значительная часть наследия, подлежащего охране, была связана с идеей монархии, она давала населению образы ключевых для общества событий и личностей, связанных с ее историей. Урал презентовался как освоенная русским народом часть православной империи. Описание комплекса объектов, связанных с коммеморацией дома Романовых, представляет особый исторический интерес и в связи с утратой большинства из них в советской России.

²¹ Там же. Л. 23.

²² См.: Историко-архитектурное наследие Пермского края: каталог-справ. Пермь, 2011. С. 212–214, 285, 302, 316, 324, 325, 400, 401; Приходы и церкви... С. 172–184.

²³ См.: Луканин В. М., священ. Церковно-историческое и археологическое описание города Соликамска. Пермь, 1882.

²⁴ См.: Дмитриев А. А. Историко-археологические очерки Чердынского края (по поводу столетия Пермской губернии) // Календарь Пермской губернии на 1883 год. Пермь, 1883. Отдел II. С. 72–109.

²⁵ См.: Попов И. Достопримечательности с. Ныроба, Чердынского уезда // Тр. Перм. уч. архив. комис. Пермь, 1897. Вып. 3. С. 61–75.

²⁶ См.: Макарий, игум. Указ. соч. С. 16–30; Токмаков И. Указ. соч. С. 63–80, 252, 253.

²⁷ Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда. Сысертская Симеоно-Аннинская церковь // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1893. Отдел неоф. № 34. С. 816–824; № 35. С. 850–854; № 36. С. 875–880; № 37. С. 897–903; № 38. С. 921–957; № 39. С. 951–957; № 40. С. 971, 972.

Ludmila A. Dashkevich

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *ldash54@mail.ru*

Marina Yu. Nechaeva

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *atlasch@narod.ru*

**“THE CASE ON PROTECTION OF ANCIENT MONUMENTS
IN THE PERM PROVINCE”, 1902: EXPERIENCE IN RECORDING
AND STUDYING CULTURAL HERITAGE IN RUSSIA**

The article is devoted to the analysis of data compiled in 1902 by the construction department of the Perm Provincial Committee on “all ancient buildings and ancient monuments existing in the Perm province, as well as on modern monuments erected in honor of the Imperial and other persons or in memory of various events”. The background of the compilation of this list is characterized in the context of the development of a law on the protection of monuments and public discussion of the criteria for identifying objects to be protected. The authors describe the province’s monuments associated with the Romanovs, for the first time included in the range of objects of protection (largely lost in the subsequent time). A comparison is made of the information on the region’s religious objects indicated in this source with the 1902 description of parish churches of Ekaterinburg diocese. The information limits of the 1902 provincial list are identified. They were caused by the method of obtaining information for the list: reliance on documents preserved in the office of the provincial government, lack of cooperation with diocesan structures during the preparation of the list, subjectivity of assessments of the cultural value of the objects and an insufficient level of studying ancient monuments in the local history literature of that time. At the same time, the importance of this event is emphasized as the first attempt in the region to systematize information about the objects to be protected as monuments of history and culture. The compilation of an inventory of protected monuments had been for the authorities a certain step in the politics of memory, since a significant part of the heritage indicated in the list was associated with the idea of a monarchy, and the Urals were presented as a part of the Orthodox empire mastered by the Russian people.

Keywords: *Ural, Perm province, ancient monuments, protection of historical and cultural monuments, commemoration, cultural heritage, cultural landscape*

REFERENCES

- Baydin V. I., Beloborodova I. N., Glavatskaya E. M., Mankova I. L., Shashkov A. T. *Ocherki istorii i kul'tury goroda Verkhotur'ya i Verkhotur'skogo kraya* [Essays on the history and culture of the city of Verkhoturye and the Verkhoturye region]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 1998. (in Russ.).
- Chagin G. N. *Goroda Permi Velikoy Cherdyn' i Solikamsk* [The cities of Great Perm Cherdyn and Solikamsk]. Perm: Knizhnyy mir Publ., 2003. (in Russ.).
- Chagin G. N., Shilov A. V. *Uyezdnnyye provintsii Kungur, Osa, Okhansk* [Uyezd provinces of Kungur, Osa, Okhansk]. Perm: Knizhnyy mir Publ., 2007. (in Russ.).
- Formozov A. A. *Russkoye obshchestvo i okhrana pamyatnikov kul'tury* [Russian society and protection of cultural monuments]. Moscow: Sov. Rossiya Publ., 1990. (in Russ.).
- Galkova O. V. *Rossiyskiye traditsii okhrany otechestvennogo kul'turnogo naslediya* [Russian traditions of national cultural heritage protection]. Volgograd: Peremena Publ., 2011. (in Russ.).
- Istoriko-arkhitekturnoye naslediyе Permskogo kraya. Katalog-spravochnik* [Historical and architectural heritage of the Perm region. Catalog-reference book]. Perm: Proyektnoye byuro “Reyk'yavik” Publ., 2011. (in Russ.).
- Mankova I. L. *Pravoslavnyy landshaft gorodov Zapadnoy Sibiri v XVII veke* [The Orthodox landscape of West Siberian towns in the 17th century]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2020. (in Russ.).
- Rabotkevich A. V. *Gosudarstvennaya politika v oblasti okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury v Rossii v XVIII — nachale XX veka: kand. diss.* [State policy in the field of protection of historical and cultural monuments in Russia in the 18th — early 20th century: Diss. Cand.]. Moscow, 1999. (in Russ.).
- Razgon A. I. [Protection of historical monuments in pre-revolutionary Russia (1861–1917)]. *Istoriya muzeynogo dela v SSSR* [History of museum affairs in the USSR]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noy literatury Publ., 1957, iss. 1, pp. 73–128. (in Russ.).

Рис. 1. Собор Иоанна Богослова Богословского женского монастыря, г. Чердынь.
Фото С. М. Прокудина-Горского, май 1912 г.

Рис. 2. Часовня Архангела Михаила на месте ямы, где был заключен Михаил Романов, с. Нырб.
Фото С. М. Прокудина-Горского, май 1912 г.